

Война и Голгофа гуманизма

Время рождаться, и время умирать; ...время разрушать, и время строить;..
...Время плакать, и время смеяться; ...время разбрасывать камни, и время
собирать камни; ...время войне, и время миру.

Екклесиаст

Непрерывные ужасы войны... отняли веру в человека и человечность.

И. В. Гете

Оказывается, можно уничтожать людей, свято соблюдая заповеди гуманизма.

А. де Токвиль

«Время войне и время миру»

Мы, дети абстрактного гуманизма, безоглядно убеждены, что человек — либо «венец творения», либо «мера всех вещей», но не задумываемся о судьбе библейского Авеля, которого лишил жизни его брат Каин. Труднее всего признать отрезвляющую мысль Ф. Энгельса: «Уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и... речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти только о различной степени животности и человечности»¹. Русский Екклесиаст Ф. Достоевский также полагал, что человек — это «бездна *над* нами и бездна *под* нами».

Война и мир — это квинтэссенция отмеченного кричащего противоречия. Грандиозна и устрашающа дурная бесконечность жертв «bellum omnium contra omnes» (*лат.* «войны всех против всех») только за последнее столетие. В международных и гражданских войнах XX века погибло от 110 до 140 миллионов человек. Соотношение потерь в этих войнах имело устойчивую тенденцию к превышению числа косвенных (гражданских) жертв над прямыми (военными). Это относится также

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич — главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, профессор, доктор философских наук.

Ключевые слова: война, мир, гуманизм, международные отношения, глобализация, многополярный мир, США, РФ, Республика Беларусь, внутренние конфликты.

¹ **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд. 2. Т. 20. С. 102.

и к другим непосредственным и сопутствующим последствиям войн. На их фронтах за 100 лет погибло не менее 70 миллионов человек, в то время как общие прямые и косвенные жертвы всех международных и гражданских войн, по разным оценкам, превышают их более чем в два раза². Если в Первой мировой войне удельный вес жертв среди мирного населения составил 5 процентов, во Второй мировой — 50 процентов, то в Корейской (1950—1953) и Вьетнамской (1964—1973) войнах — соответственно 84 и 90 процентов. Белоруссия в годы Великой Отечественной войны потеряла треть своего населения.

С культурфилософских позиций такая мрачная и подавляющая статистика побуждает к постановке вопроса о *соотношении войны и гуманизма*. Однако контент-анализ культурологической классики показывает, что благородный *абстрактный* гуманизм обнаруживает весьма противоречивое отношение к процессу очеловечивания человека.

Вопреки стойкой традиции видения античной культуры как родины гуманизма и его визитной карточке — формуле Протагора «Человек — мера всех вещей», лейтмотив античной мысли, тем более — практики, далек от идиллии. «Должно знать, — утверждал Гераклит, — что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей, что все возникает через вражду и взаимообразно... Враждебное ладит... наилучшая гармония — из разнящихся звуков... все происходит через распрю». И уже вовсе апофеоз: «Война является отцом всего и царем всего, и одних она сделала богатыми, других — людьми, одних — рабами, других — свободными»³.

Более умеренный Аристотель сознавал, что «никто ведь не собирается готовить войну ради нее самой». Война — это скорее «род хозяйственной деятельности, искусство приобретения, так как часть войны составляет охота». Но смысл в том, что «охотиться необходимо не только на зверей, но и на тех людей, которые по природе предначертаны к подчинению, но не желают подчиняться». Ученик великого мыслителя Александр Македонский, разрубая гордиев узел, создал прецедент безоглядного мышления: «Что развязать, что разрубить — все едино». Знаменитого же Юлия Цезаря, как свидетельствуют его мемуары, не смущало, что в битвах за свободу галлы «поддерживали свою жизнь трупами людей, признанных негодными для войны»⁴.

Средневековье во многом вошло в историю как мрачное, «ночное время». Оно буквально захлебывалось в дурной бесконечности манихейской войны полпредов Небесного Града против Земного, кровавых авантюр за «освобождение Гроба Господня», изнурительных тяжб коронованных и провинциальных монтекки и капuletти. Эта «война всех против всех» систематически разрушала производительные силы, устойчивый образ жизни и была основной, после дикой антисанита-

² См. *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 109.

³ *Цит. по:* История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. М.: Мысль, 1994. С. 81.

⁴ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне. М.: Мысль, 1991. Т. 1. С. 150.

рии, причиной циклических вспышек чумы, которые уносили жизни миллионов людей.

Гимн человеку как высшей ценности на земле, созданный творцами Возрождения, оказался быстротечным и буквально потонул в яде дурно понятого макиавеллизма, в звуках победных фанфар династических войн и межконфессиональных ристалищ «рыцарей плаща и кинжала» всех мастей. Во время Тридцатилетней войны (1618—1648) — последней в эпоху Средневековья — австрийский император так определил свои приоритеты: «Лучше царствовать над опустошенной землей, чем над проклятой»⁵. Между тем население Германии всего за тридцать лет войны уменьшилось втрое.

Казалось бы, Вестфальский мир (1648) провозгласил, что отныне международная (европейская) система образуется исключительно правительствами суверенных государств, которые обладают монополией на насилие, полнотой власти и управления в соответствующих Nation State — нациях-государствах (от *лат. natio* — народ). Однако эти государства не менее классических империй оказались, в терминах Ф. Ницше, агрессивными особями «крупного рогатого скота».

Великий гуманист начала Нового времени И. В. Гете с высоты своего гения обозрел эту нескончаемую «войну всех против всех». Он вспомнил одного генерала Тридцатилетней войны, сказавшего в ответ на жалобы о бесчинствах его солдат: «Не могу же я носить в мешке свою армию!» Мыслитель ясно видел, что «законы войны могущественнее королей», и констатировал: «Ты нам войну приносишь вместо мира, / Как будто ты из лагеря пришел, / Где сила и кулак решают дело». Гете воссоздал «картины отвратительных ужасов, ...жестокие нравы войны», развенчал *милитаристскую истерию* и главное преступление усматривал в *разрушении личности* воина. «Так вот мы и жили, наводя порядки и беспорядки, <...> грабя что попадет под руку. Такой образ поведения всего губительнее для воина в военное время. Он играет роль то дерзкого насильника, то кроткого миротворца, привыкает к пышной фразе, держит внушать людям, находящимся в безвыходном положении, лживые надежды и неоправданную бодрость. Отсюда возникает совсем особый вид лицемерия, отличный от поповского, царедворческого и всякого иного... Война! Война! Вы сами не понимаете, что кричите... сколько там народу полегло... взяли какой-то город, перебили всех мужчин и замучили несчастных женщин и невинных младенцев... Подумай об опустошении страны, о кровопролитии! Солдат остается спокойным... Но когда река понесет вниз по течению тела горожан, детей, девушек, а ты, объятый ужасом, будешь стоять на берегу, уже не понимая, за чье дело ты вступился, ибо гибнут те, кого ты хотел защитить, достанет ли у тебя сил тихо промолвить: я защищал себя?»

Мыслитель возвысил свой голос не только против душевной деградации и распада человека, вовлеченного в милитаристский омут, но и пытался защитить его как *труженика*, творца общественного богатства.

⁵ *Цит. по:* Известия. 11.11.1998.

Он был возмущен тем, что немецкие солдаты «под предлогом поисков припрятанного фуража начали мародерствовать, и притом наиглупейшим образом: отобрали у ткача орудия его ремесла — ...дурной пример заразителен».

Гете был категоричен в своем отрицании войны как способа разрешения человеческих проблем. Для него вообще «война — *преддверие смерти — уравнивает всех людей*, упраздняет все различия и порой грозит бедами и гибелью даже самому венценосцу». Один из первых пророков Нового времени, он предвидел, что это будет *милитаристская эпоха*: ему «довелось впервые ощутить приближение нескончаемых войн»⁶. И действительно, встреча его, уже известного в Европе «властителя дум», с Наполеоном развеяла последние иллюзии мыслителя и ничего не изменила в воле императора к безмерной власти. Великий гуманист хорошо знал библейское «взывай, если есть отвечающий тебе», но его универсалистский призыв к «миру во языцех» остался гласом вопиющего в пустыне.

На этом фоне гораздо более импонировал «сильным мира сего» современник Гете Г. В. Ф. Гегель. Оценивая крестовые походы, он писал: «У этого гроба христианские народы получили тот ответ, который слышали апостолы, когда они искали тело Христа: “Что вы ищете живого между мертвыми? ...он воскрес”. ...Христианство нашло пустой гроб, а не связь мирского и вечного... человек должен искать духовного начала, которое по своей природе божественно, в самом себе».

Однако Гегель — универсалист в философии «мирового разума», но вместе с тем — и один из основоположников Realpolitik. С его точки зрения, насилие — неизбежное средство *культивирования* человека, и «человечество было освобождено не столько от порабощения, как посредством порабощения». Оно есть зло, и хотя «момент отрицания необходим в человеке, но теперь он принял форму воспитания, и благодаря этому исчезают все ужасы... В этом пробудившемся в человеке чувстве собственного достоинства проявляется улучшенная субъективность, ...направляющая свою деятельность на достижение общих целей разумности и красоты». В этом смысле Гегель ставил знак равенства между средневековым *virtus* (добродетелью, доблестью) и *насилием*⁷. Вслед за Гераклитом он верил в то, что война есть «отец и царь вещей». «Всемирная история, — по Гегелю, — это всемирный суд».

Как всякий суд, полагал мыслитель, война неотделима от права. «Вследствие того, что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых, так и в *войне*, в состоянии бесправия, насилия и случайности, сохраняется связь, в которой они значимы друг для друга... так что в войне сама война определена как нечто долженствующее быть переходящим. Поэтому война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира,

⁶ См. Гете И. В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1975—1980. Т. 4. С. 266, 270, 297; Т. 5. С. 268; Т. 9. С. 309, 270, 297, 306, 318, 323, 353.

⁷ См. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 1993. С. 389, 405, 416.

что, следовательно, ...война вообще ведется не против мирных институтов и мирной семейной и частной жизни... Поэтому войны новейшего времени ведутся гуманно, и люди не испытывают ненависти по отношению друг к другу... в армии вражда — нечто неопределенное, отступающее перед чувством долга, которое каждый уважает в другом»⁸.

Однако логика Realpolitik привела Гегеля к редукции международного права до апологии *духа нации*, ее «скрытого исторического предназначения». «Каждая нация... должна утвердить свою индивидуальность, или душу, выйдя на “сцену истории”, т. е. борясь с другими народами, и объектом борьбы при этом является мировое господство». Согласно принципу «нулевой суммы», «война... должна установить не истинность права той или иной враждующей стороны — ибо истинны права обеих

Глубоко осмыслить войну можно, лишь «увидав в ней символику того, что происходит в духовной действительности... Война не источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны — символическая... Зло войны есть знак внутренней болезни человечества...»

сторон, а прийти к решению, какое право должно уступать... другому». «По отношению к этой абсолютной воле, — писал философ, — воля других отдельных народных духов бесправна, упомянутый же выше народ господствует над всем миром»⁹.

Перед нами классический прецедент коллизии отказа Гегеля от объективной по содержанию истины в пользу конвенциональных «правд». Но в таком контексте исчезает не только международное право, но и общечеловеческая *рациональность*. По гегелевскому сценарию «политическая рациональность... вступит в конфликт с другой версией политического разума именно вследствие невозможности распознать в ином разуме “разумность”. Стоит вспомнить бесчисленные войны “за счастье всего человечества”... самыми кровопролитными оказывались те войны, которые велись во имя переделывания “неразумности и нерациональности” одних в “разумность и рациональность” других»¹⁰. Гегелевская метафора войны, которая «облагораживает кровь народов», — это *измена* принципу универсализма, его «приватизация» как *право силы*, а не сила права, грубая апология всех жаждущих «абсолютной воли» над миром.

⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 368, 369.

⁹ *Цит. по: Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 2. С. 78.

¹⁰ Полис. 2002. № 4. С. 122.

Если в постижении сущности войны Гегель шел от универсализма к Realpolitik, то Н. Бердяев проделал обратный путь — от «материи» войны к ее духовной субстанции. Для него война как «передвижение и столкновение материальных масс, физическое насилие, убийство, калечение, действие чудовищных механических орудий» — это «поверхностный взгляд». Глубоко осмыслить войну можно, лишь «увидав в ней символику того, что происходит в духовной действительности... Война не источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны — символическая... Зло войны есть знак внутренней болезни человечества... Когда вскрывается гнойный нарыв, то нельзя видеть зла в самом вскрытии нарыва. Иногда это вскрытие нужно сделать насильственно для спасения жизни». С точки зрения мыслителя, в глубине жизни есть «иррациональный источник. Из него рождаются глубочайшие трагические противоречия. И человечество, не просветившее в себе... этой темной древней стихии, неизбежно проходит через крестный ужас и смерть войны... Война, конечно, несет с собой опасность варваризации и огрубления. Она *сдирает покровы культуры* и обнажает ветхую человеческую природу».

В этом пункте Бердяев приходит к тому, с чего начинается гегелевская философия войны, — с абстрактно-умозрительной высоты императивов духа и любви. Для него «сама любовь иногда обязывает быть твердым и жестким... Героическое начало — жестокое начало... И кто хочет свершения исторических судеб человечества, его развития ввысь, тот обязан принять жестокость и боль, заковать себя в броню... Весь вопрос в том, отстаиваются ли в войне какие-нибудь ценности более высокие, чем человеческое благополучие, чем... удовлетворенность современного поколения? Совершается ли в этой страшной и жестокой войне что-то важное для исторической дали и выси?»

Крайности действительно сходятся, во всяком случае — в логике немецкого и русского мыслителей. На первый взгляд, далекая от Realpolitik, универсалистская мотивация войны Бердяевым поразительно совпадает с апофеозом «войны богов» отнюдь не по критериям добра и зла, справедливости и моральной правоты. «Мировая борьба народов в истории определяется не моральными прерогативами. Это — борьба за достойное бытие и исторические задачи, за историческое творчество... Дстойное национальное бытие есть историческое задание, а не простая историческая данность. Задание это осуществляется борьбой. Это борьба за национальное бытие... она всегда есть борьба за ценность, за творческую силу, а не... за простые интересы... Можно сказать, что борьба народов за историческое бытие... нужна для высших целей мирового процесса». Более того, это «правова творимых исторических ценностей и красота избирающего Эроса... Это скорее дело исторической эстетики». И уже по-гегелевски: «Война есть столкновение судеб, поединок, обращенный в высшему Суду»¹¹.

¹¹ См. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. С. 152, 153, 155, 159, 161–162, 166, 167.

Однако далеко не все мыслители созерцали проблему с отстраненно трансцендентных высот. Первым из тех, кто среди русских мыслителей поставил проблему *цены войны для человека труда*, был Н. Г. Чернышевский — по оценке Маркса, «самая крупная политэкономическая голова в Европе». Он ввел в теоретический оборот важную, но до сих пор недооцененную категорию «народный капитал», и писал о нем не только в узкоэкономическом, но и в *социокультурном* смысле. «Народный капитал», утверждал Чернышевский, обуславливают, наряду с материальными производительными силами, также «средства для поддержания рабочих, ... нравственные качества народонаселения, его образованность, изобретательность, — все это мы называем народным капиталом»¹². По его подсчетам, *смерть* мужчины молодых или средних лет уменьшает народный капитал в Европе в среднем на 1500 рублей серебром (по курсу того времени). С учетом трудовых потерь во время войн это означает, что, избавившись от такого бича, Европа была бы *вдвое богаче*, чем теперь, то есть скорость ее движения по пути прогресса была бы вдвое большей.

Эту красноречивую статистику по-своему интерпретировали гении русского Слова. «*Есть нечто высшее, чем драка... между человечеством*», — писал Ф. М. Достоевский¹³. Однако он констатировал, что, вопреки возвышенному эстетическому идеалу красоты, которая спасет мир, в нем «появились новые трихины», распространяется вирус милитаризма. В годы Первой мировой войны эта метафора стала эпиграфом к одноименному стихотворению М. Волошина:

Исполнилось пророчество: трихины
 В тела и дух вселяются людей.
 И каждый мнит, что нет его правей.
 Ремесла, земледелия, машины
 оставлены. Народы, племена
 безумствуют, кричат, идут полками,
 Но армии себя терзают сами,
 Казнят и жгут: мор, голод и война.
 Ваятель душ, воззавший к жизни племя
 Страстных глубин, провидел наше время:
 Пророчественною тоской объят,
 Ты говорил, томимый нашей жаждой,
 Что мир спасется красотой, что каждый
 За всех, во всем, пред всеми виноват.

В начале XX века милитаристская апология войны захлестывала мир. Известный итальянский политолог В. Парето сделал гипертрофированный, с его точки зрения, гуманизм своей излюбленной мишенью. Он утверждал, что «всякая элита, не готовая сражаться в защиту своего положения, находится в полном упадке, ей ничего не остается, как уступить свое место другой элите, обладающей мужеством, которого ей не достает. Если элита воображает, будто провозглашенные ею гуман-

¹² См. Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 2. С. 182.

¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 119.

ные принципы применяют к ней самой, это чистая мечтательность. “Горе побежденным”¹⁴. Примечательно, что как раз в Первую мировую войну, когда США еще делали первые пробы своей «богоизбранной миссии» в мире, американский писатель Р. Борн изрек сентенцию: «Война — это здоровье государства»¹⁵.

К сонму милитаристских провокаций того времени относятся прежде всего многочисленные работы идейных предтеч фашизма. Их красно-речивая семантика: «На стальных ветрах» (1920), «Война как внутреннее переживание» (1922), «Огонь и кровь» (1925), «Тотальная мобилизация» (1931), и выраженное Э. Юнгером кредо: «Война — это мать, она породила нас, новое поколение, в цветущем лоне братских могил, и этим мы горды».

И все же основной в репрезентации нацистской идеологии остается книга А. Розенберга «Миф XX века» (к началу войны с СССР она была издана тиражом в 900 тысяч экземпляров). В работе о ней С. Булгаков сразу подчеркивал, что здесь универсализм Христа «подвергается критике и исправлению... с точки зрения его соответствия германскому духу как высшему критерию». Для Розенберга «идея чести — национальной — является началом и концом всего нашего мышления и действия. Она не терпит наряду с собой равноценного центра какого бы то ни было рода». Устарелым объявлялся и символ креста как распятия, и он заменялся новым: *das Hakenkreuz* — *свастикой*. Розенберг писал, что «те, кто его созерцают, думают о народной чести, о жизненном пространстве».

Духовный отец нацизма, Розенберг противоречил себе, объявляя эти постулаты не только началом, но и «концом мышления и действия». Его финал и лейтмотив — как раз не нация, а нетрадиционно понятая *раса*. «Душа означает расу, видимую изнутри, а раса — внешнюю сторону души... Жизнь расы — не развивающийся закономерно факт, а образование мистического характера»¹⁶. Очевидно, отмечал критик, здесь «разумеется... *расовое человекобожие*, раса и кровь как высшая ценность». Расовая «кровь» по Розенбергу — это не телесная и даже не духовная, как у Платона и позднее у Гегеля, а *душевная* субстанция, некое мистическое эмоционально-волевое состояние. От признания его уникальности до апологии его исключительности, как всегда, один шаг при определенных условиях. То обстоятельство, что это произошло именно в Германии, достаточно парадоксально свидетельствует о *несводимости* германской расовой «души» к немецкой национальной «крови», и, как показали Ф. Ницше и К. Поппер, генетически далеко не чистопородной.

Ныне главное в этом уроке — не Deutschland, а «одна, но пламенная страсть» — *über alles*, которой одержимы, по сути, расисты, или «коллективные животные» последнего поколения. Их ментальность неизменно

¹⁴ Цит. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 459.

¹⁵ Цит. по: Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М.: Радуга, 1992. Т. 1. С. 446.

¹⁶ Цит. по: Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991. С. 20, 23, 24, 26.

предполагает *дегуманизацию врага/врагов*. Она определена известным этологом К. Лоренцом как один из «смертных грехов человечества»: «Каждая достаточно четко выраженная группа стремится рассматривать себя как замкнутый в себе вид — настолько, что членов других сравнимых групп *не считают полноценными людьми*. Во многих туземных языках собственное племя обозначается словом “Люди”. Тем самым лишение жизни члена соседнего племени не считается настоящим убийством!»¹⁷

С тех пор мало что изменилось. Если «Люди» — это *раса*, которая в условиях глобализации не знает территориальных границ и объявляет обветшалым национальный суверенитет, то для этой «породы» большинство человечества — *untermenschen*, или «колорады», и их рок — геноцид, или «цивилизованная» селекция на «право» призрачного бытия в роли объектов, или, по А. Платонову, «дубъектов». Нарастающая борьба за *альтернативную* глобализацию «с человеческим лицом» вызывает у новой расы «гнев и ярость» и возвращает мир к «войне всех против всех». О. Колнаи, автор книги «Война против Запада» (1938), пишет: «Принцип расы предназначен воплотить последнее отрицание человеческой свободы, отрицание равных прав, вызов перед лицом человека». Расизм стремится «противопоставить свободе — судьбу». Такая социал-дарвинистская «установка... видит в войне скорее благо, чем зло, даже если это опасное благо»¹⁸.

Следует признать, что в извечном противостоянии *абстрактного* гуманизма с «коллективными животными» этнонационализма и расизма первый потерпел сокрушительное поражение. «Gott mit uns» («Бог с нами») было начертано на пряжках немецких солдат Первой мировой. Позади Вторая мировая; но садомазохистскому истукану войны поныне поклоняются охотнее, чем Богу, впервые обратившемуся к миру с мудрым посланием «Не убий!».

Реалии угрозы войны и миро- (мифо-?)творчество пацифизма

Мир давно балансирует на грани зыбкого равновесия сил основных международных игроков. Если даже Realpolitik пока «разумно» сдерживает их страхом взаимного возмездия, каковы гарантии, что не объявится новый Герострат или его близнец — персонаж Ф. Достоевского, одержимый страстью «всех уничтожить — правых и неправых, виноватых и невиноватых»? Известно, что из стратегических войск США ежегодно увольняют 1–2 процента психически неуравновешенных людей. *Всех* ли держат подальше от роковой кнопки, включая тех, кто *решает*, быть или не быть?

Апокалипсис как гибель и возрождение в *любой момент* обратим в библейском небе, но необратим на земле. Тогда массовому сознанию и поведению будет уже поздно сознавать, что человек, вопреки своим

¹⁷ *Цит. по:* Философские науки. 2002. № 5. С. 143.

¹⁸ *Цит. по:* Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 86.

достоинствам, не только *homo sapiens*. Как Род он *уникален* тем, что уже давно не только созрел, но и перезрел для самоуничтожения. Еще в 1820 году Ж. Ламарк, во многом сопричастный к триумфам научного знания, с тревогой писал: «Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания». Через полтора столетия А. Эйнштейн предупредил, что «существует опасность полного самоуничтожения человечества, которую нельзя сбрасывать со счетов». Дж. Гэлбрейт в годы «холодной войны» позволил себе мрачную иронию: «После ядерной войны никто не отличит пепел социалистический от капиталистического»; а на Форуме мира в Москве в 1987 году поэт А. Вознесенский обыграл цифры этого года: 10, 9, 8, 7... и так до нуля?

Тем не менее в мире остаются силы, которые исходят из того, что «есть вещи поважнее, чем мир». Ныне, правда, эти «вещи» обряжают в тогу «справедливых войн» и «гуманитарных интервенций», и латиноамериканский социолог М. Грондом в орвелловском духе констатирует: «Война всегда с нами. Война — это новое имя мира». Более прямолинейен идеолог фундаменталистского геополитического направления в России А. Дугин: «Кто говорит геополитика, тот говорит война».

Мир в целом по-прежнему основан на *праве силы*, а не на *силе права*. Логика развития, писал К. Ясперс, привела к тому, что на смену эпохе умиротворения и прогресса пришла эпоха «уничтожения гуманности и круговерти, в которой распад явит себя господствующим фактором». Эта круговерть, отмеченная «знаком беды», — зловещая примета политического отчуждения рода человеческого.

Такие «перспективы» находятся в фундаментальном противоречии с провозглашенной ООН «Всеобщей декларацией прав человека». В ее тексте, принимая во внимание, что достоинство, присущее всем членам человеческой семьи, и их равные и неотъемлемые права являются основой свободы, справедливости и всеобщего мира, провозглашена благородная «благая весть»: *«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»*.

Как заметил Ф. Ницше, «легко думать, но трудно быть». Приходится констатировать, что прекраснодушный ооновский текст еще менее близок к реалиям, чем накануне Первой мировой войны, — от нулевой самооценки человеческой личности до угрозы тотального самоуничтожения. В этом ракурсе глобализация пока принципиально ничего не изменила в том, что человек остается по преимуществу *средством*, а не целью. Но парадокс в том, что в условиях единого и неделимого мира зреет предчувствие, что таким средством может стать и становится любой из нас, и это придает новое дыхание известному «золотому правилу» не творить другому того, чего не желаешь себе. В сухом остатке, без упований на швейцеровское «благоговение перед жизнью», современный человек руководствуется соображениями «разумного эгоизма»: *причастность* к тушению пожара даже вдали от своего дома резко по-

вышает шансы спасения последнего. В глобальном мире это «золотое правило» становится *прагматически* необходимым.

Отмеченный сдвиг происходит как на уровне *сознания*, так и *поведения*, но между ними заметна асимметрия. К сожалению, на первом уровне речь идет не столько о ясном понимании, сколько о подсознании, ментальном комплексе неприятия войны. Тысячелетиями отступая от библейского «Не убий!», гоббсовского «Должно быть миру» и кантовского «вечного мира», человечество, взглянув в ужасающий лик милитаристской Горгоны современности, мечтает о том, что «время, когда люди не будут убивать друг друга и животных, рано или поздно настанет, иначе и быть не может», но замечает, что при этом «вдруг в голове опять все перепуталось и все стало неясно»¹⁹.

В таком состоянии нет дефицита в «правильных» сентенциях и императивах, но очевиден дефицит альтернативных концепций и главное — *действенных решений*. Вопреки благим призывам, колесница Джаггернаута по-прежнему мчится, подавляя своим роковым всемогуществом. Под ее впечатлением один из отцов европейской социологии XX века Р. Арон воскликнул: «Лжепророк тот, кто возвестил о мире в век войны!»²⁰

С учетом сказанного, возникают естественные вопросы: насколько адекватны объективным реалиям современности *концептуальные* основания пацифистского неприятия войны? что сделано *практически*, каковы поучительные прецеденты веры и надежды на окончательное торжество дела мира?

Никто лучше М. Цветаевой не постиг суть своего друга и наставника Максимилиана Волошина: «Человек и его враг для Макса составляли целое: мой враг для него был частью меня. Вражду он ощущал союзом... Макс на вражду своего согласия не давал и этим человека разоружал... В этом смысле он был настоящим просветителем, гениальным окулистом. Зло — бельмо, под ним — добро... Миротворчество входило в его мифотворчество: мифа о великом, мудром и добром человеке... Макс — ...шар универсума»²¹.

Ныне нет споров о том, какую трагическую *цену* Россия заплатила за беспощадное противостояние «белых» и «красных», атеистической диктатуры и церкви. Такие неординарные личности, как Волошин — не типичные для своего времени, оказываются непризнанными пророками, отечество которых — мифотворчество возможного будущего всеобщего примирения.

Другие яркие представители пацифизма уже при своей жизни добивались впечатляющих результатов, порой кардинально меняя облик не только своих стран, но и во многом — мира. Такой личностью был и, в качестве масштабного урока, остается основоположник современного индийского государства Р. Ганди. Вопреки насилию

¹⁹ Чехов А. П. Сочинения. М.: Наука, 1977. Т. 9. С. 329, 332.

²⁰ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 136.

²¹ Цветаева М. Сочинения. Минск: Народная асвета, 1988. Т. 2. С. 198—199.

британских властей, вплоть до террора (незабываем расстрел сипаев — индийских повстанцев, которых для устрашения привязывали к жерлам пушек и разрывали на части картечью), этот мудрый и нестигаемый человек добился того, что огромная страна была буквально парализована стачкой *невооруженного противления* британской администрации, и она оказалась вынужденной предоставить Индии независимость.

Поучителен опыт ненасильственного сопротивления чехословаков после подавления «Пражской весны» (гавеловская «Хартия-77»). В ГДР во время массовых манифестаций за демонтаж Берлинской стены шеф восточногерманской «Штази» сказал В. Ульбрихту: «Вальтер, на площади 100 тысяч человек. Мы не можем их всех расстрелять!»

Когда США впервые навязывали Польше и Чехии размещение элементов ПРО со всеми вытекающими последствиями, социологи дружно заявили, что 70—80 процентов населения в этих странах — против опасной авантюры. Такое понимание есть и в США. Президент старейшей пацифистской организации «Международное бюро мира», американка К. Вайс говорит: «Теперь стало очевидным для всех, что любой антиракетный щит полон зияющих дыр, и все гигантские военные расходы бесполезны, что ядерные арсеналы лишь угрожают жизни на Земле». Но, видимо, еще многие американские обыватели так и не поняли, какими могли быть последствия Карибского кризиса, и полагают, что сегодня пожар —рядом не с их домом.

Размах и интенсивность протестов в Европе не «дотягивают» до ситуации накануне падения Берлинской стены, но поучительный прецедент уже есть. Массовые протесты возымели свое действие на принятие правительствами Франции и Германии решения о *неучастии* в иракской войне. Влиятельная американская газета заметила в связи с этим: «Раскол по Ираку в Атлантическом альянсе и гигантские антивоенные демонстрации по всему миру... напоминают, что на планете осталась не одна, а две сверхдержавы: США и мировое общественное мнение»²². Но природа не терпит вакуума. Когда США в обход Устава ООН совершили агрессию на Балканах, сила сопротивления этой акции в Европе и мире в целом оказалась недостаточной, чтобы остановить разбой под предлогом «гуманитарных» натовских аргументов.

Апелляция к международному праву вполне легитимна. Если с самого начала оно еще трактовало войну как один из способов решения международных проблем, то сегодня Устав ООН, подписанный всеми государствами, провозглашает, что *неприменение силы* в международных отношениях является *основой* международного права. О чем свидетельствуют результаты пацифистского движения? В чем, вопреки успехам в определенных ситуациях, его недостаточность, неспособность *окончательно переломить* соотношение сил между войной и миром? Ахил-

²² New York Times. 17.02.2003.

лесова пята движения — в элементах утопии о «чистом» мире без войн, торжестве *universalis* без *Realpolitik*, «души прекрасных порывах» без признания необходимости и права на «добро с кулаками», *практической способности принуждения к миру* как фундаментального условия «трезвления» сил войны. Перефразируя слова Конфуция о «благородном муже», который нуждается в мече для торжества человеколюбия, средневековый мыслитель Галеви писал, что «без угрозы оружием дипломатия — не более, чем лай москы».

Пацифизм был всегда, но он никогда не был решающей силой, и об этом убедительно свидетельствуют и стремительная девальвация антиимпериалистической политики II Интернационала, и неспособность предотвратить Первую и Вторую мировые войны, и нынешний «долгий мир», более напоминающий новое издание «холодной войны» с ее смертельными рисками, трагедии Югославии, Ирака и Афганистана, дурная бесконечность «ни войны, ни мира» в Палестине, лязгание оружием на Кавказе и теперь — уже гражданская бойня на Украине.

Разгадка остро- или вялотекущих «локальных» войн конца прошлого—начала нашего века лежит «по ту сторону» феноменологии этих процессов. Стойкое воспроизводство архетипического принципа «если врага нет, его следует выдумать» обязывает расставить все точки над *i* в благодушной версии «конца тоталитаризма». Ф. Ницше полагал «философствование молотом» *архетипической* потребностью и характерным признаком соперничества мировоззрений. В нашем понятийном ряду это символический «молот» не культурного мессианизма, а доведенного до «железа и крови» *цивилизационного* миссионерства и его неизбежного оборотня — техногенного и все более разрушительного варварства.

Понимание глубинных оснований *современной* войны требует иного масштаба и новой глобальной стратегии. Характерно, что они рождаются прежде всего в Европе, на континенте, пострадавшем основную тяжесть двух мировых трагедий. Э. Бар, директор Гамбургского института изучения проблем мира, бывший госсекретарь в правительстве В. Брандта, в статье с риторическим названием «Сила ничего не решает» пишет о *европейском* характере этой идеи. Она обрела статус концепции в Хельсинки 1975 года, Парижской хартии 1990 года. Согласно им отказ от применения силы и стабильность — это близнецы-братья. Без отказа от применения силы не может быть стабильности, а без стабильности — порядка с перспективной мирного внутреннего развития государств. Отказ от применения силы — это предпосылка мирной трансформации конфликтов. Этот основной закон стабильности действителен и после конца биполярного мира. Все государства должны быть включены в систему упорядоченного отказа от применения силы независимо от того, насколько они демократические, есть ли у них рыночная экономика и хотят ли они следовать американскому образу жизни или нет. Э. Бар подчеркивал, что «философия отказа от применения

силы ставит целью *заменить право сильного силой права*. Она является средством эмансипации более слабого по отношению к более сильному, а точнее — хочет использовать экономические и политические возможности, потому что не может опереться на военные. «Глобальной державе» (США) договорный отказ от силы должен казаться непонятным. Но для Европы он представляет собой принцип ее самоопределения»²³.

События последних лет, связанные, с одной стороны, с анемичным состоянием военной организации Евросоюза — ЗЕС, стремлением «опереться на военные возможности» НАТО, а с другой — вовлеченностью ЕС в проамериканский курс в отношении Украины как козырной антиросийской карты, — это симбиоз официального европейского пацифизма как *бессилия слабых* и «мюнхенского синдрома» *поощрения* «глобальной державы», предпочитающей право силы силе права. Именно ее неоимперские амбиции препятствуют также формированию эффективной коалиции исламистскому радикализму, который угрожает варваризацией миропорядка.

Однако человечество XXI столетия заведомо не выдержит новой круговерти «войны всех против всех». Суть проблемы в том, *какой мир и какая война?* во имя чего и как она ведется? Безмерно усложнившийся и предкатастрофный мир вызывает такое перенапряжение, что назрела потребность в кардинальном пересмотре отношений между народами и государствами, то есть в принципиально новой парадигме. Высший смысл и ориентации мирового сообщества уже не могут быть обусловлены ни быстрой эффективностью «реализма», ни абстрактным гуманизмом «универсализма» и тем более — новейшими технологиями «гуманитарной интервенции». Настоятельна потребность в нестандартных, масштабных и творческих решениях, способных нейтрализовать корневую систему опаснейшего процесса новой поляризации мира, решениях на основе примата силы культурного авторитета над авторитетом цивилизационной силы. Только в согласии с принципом талиона «И аз воздам» — его «золотое правило» *самоцельности* и, следовательно, *самоценности* каждой жизни проложит себе путь в международных отношениях.

Во имя этой, по сути, безальтернативной перспективы назрела тотальная *война войне* — во всем многообразии инструментария, начиная от ненасильственного, в духе Ганди, противления злу и демократически легитимных акций протеста всех разновидностей альтерглобализма до практической способности государств и их альянсов обуздать войну путем создания и поддержания потенциала, который гарантированно может, говоря языком Realpolitik, нанести геростратам «непоправимый ущерб». «Насилие, — подчеркивал Гете, — можно одолеть лишь насилием»²⁴.

²³ *Цит. по:* Особая папка «Независимой газеты». 1999. № 2.

²⁴ Гете И. В. Собрание сочинений. Т. 3. С. 58.

Перспективы войны и мира в XXI столетии

В самой общей форме новизна проблематики войны и мира в новом столетии может быть представлена как потребность в коренной *инверсии* в структуре человеческого архетипа. В русле такой традиции библейский принцип «Не убий!» и пророчество Ковчега мира остаются ценностными установками, но им недостает *деятельностного*, активистского фермента, способного «сказку сделать былью». Не случайно Гете, переводя библейское «В начале было Слово», переформулировал его как «В начале было Дело». Пафос этого Дела ясно определил И. Кант: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, то есть если не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено».

Главную проблему философ усматривал в том, чтобы от войны как «естественного», то есть характерного для животного мира, стихийного состояния перейти к сознательному *конструированию* основанных на мире человеческих взаимоотношений. Кант еще не мог знать, что его персонажи — «люди, живущие по соседству», в современном глобальном пространстве окажутся в *буквальном соседстве*. Сегодня все народы без исключения — соседи в едином и неделимом мире, и отныне наша крепость — это не только мой, но и *наши*, общечеловеческий, глобальный Дом.

Уже интуитивно понятно, что архитектоника этого Дома-Ковчега должна во многом принципиально отличаться от тех ненадежных конструкций, в которых одна часть человечества еще проходит реабилитацию после очередного военного лихолетья, а другая — уже озабочена интенсивными приготовлениями к новой бойне. Новому Ковчегу прежде всего необходим такой способ *существования и интеграции* его обитателей, который исключал бы мутацию всей конструкции в «плавающую крепость», и ему нужна *лоция*, которая позволит избежать роковой встречи глобального «Титаника» с термоядерным (любым иным «сверхоружным») айсбергом. Размышления над такой перспективой нередко приводят к заключению, что, поскольку «мир основан на взаимном страхе, возможности катастрофы, потеряло всякий смысл использование силы как последнего средства политики (Клаузевиц)... Вооружение производится не для победы в войне, а как орудие устрашения с целью отказа от применения силы»²⁵.

В таких на первый взгляд рациональных рассуждениях недооценивается известный парадокс «неразумности Разума». По словам адмирала С. О. Макарова, «каждая новая война ведется не по правилам, а по исключениям войны предыдущей». Хиросима предыдущей войны была тотально устрашающим исключением из «правил войны», но оно не

²⁵ Дюрасел Ж.-Б. Европа с 1815 года до наших дней. Политическая жизнь и международные отношения. Минск, 1996. С. 204–205.

избавило мир от качественных сдвигов и неклассических форм подготовки и ведения войн нашего времени, а по некоторым оценкам — их многообразных проявлений как необъявленной и «ползучей» Третьей мировой войны. Эти фундаментальные сдвиги прослеживаются по трем взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, это сочетание традиционных технологий «грязной» войны с новейшими вооружениями последних поколений. Эксперты отмечают, что важнейшим для политиков и военных остается вопрос: *возрастает ли* в связи с фундаментальными переменами в мире вероятность войны, и если это так, какой характер она будет иметь? Однозначного ответа нет ввиду борьбы двух противоположных тенденций.

Первая стимулирует применение вооруженных сил, прежде всего блока НАТО, поскольку, как полагают его стратеги, резко сократился риск адекватного ответа на такой шаг со стороны противостоящих военно-политических сил. Велик неоимперский синдром разрубания гордиева узла — соблазн за несколько недель или месяцев военным путем решить проблему, которая в мирных условиях будет законсервирована на десятилетия. В этом смысле происходит возвращение к традиционной сущности войн. В истории человечества война в абсолютном большинстве случаев была в конечном счете экономическим мероприятием в пределах рациональной логики, и только ядерное противостояние придало ей известную степень запредельной иррациональности.

Вторая тенденция связана с ростом взаимозависимости мира и интеграцией абсолютного большинства стран в единую систему экономических отношений. Злонамеренно поставленная пляска мировых цен на углеводороды при малейшем обострении ситуаций (даже еще не войны, а ее угрозы) — это индикатор высокой чувствительности экономик индустриальных стран и наднациональных корпораций к этим сигналам, и они стремятся сохранить пусть неустойчивый, но относительно мирный статус-кво.

Налицо парадокс: применять силу стремятся *там*, где *под угрозой интересы* (недаром гуманитарными проблемами Центральной Африки никто по большому счету не интересуется, даже когда там гибнут сотни тысяч мирных жителей), однако вмешиваться надо *так*, чтобы от этих интересов после войны осталось что-то существенное. Этот парадокс Запад и прежде всего США пытаются разрешить несколькими способами: ведется поиск нетрадиционных форм применения военной силы (например, «миротворческие» операции); разрабатывается теория и практика ограниченной войны, в которой поражается лишь то, что самому Западу без надобности; ударными темпами создаются высокоточные средства поражения; ведутся исследования в области «чистого» оружия, не разрушающего материальные объекты.

Последняя Балканская война продемонстрировала, что США далеко продвинулись по пути к войнам будущего, — но не настолько, чтобы говорить о наступлении новой эры в военном деле. «Союзническая сила»

задумывалась как бескровная операция по выведению из строя системы управления страной и армией. Предполагалось, что демонстрация возможностей западного оружия сломит желание народа и режима сопротивляться. И первый месяц она действительно была таковой. Высокоточное оружие (ВТО) составляло 95 процентов от примененных средств поражения. Никогда раньше в истории человечества такие масштабы ущерба не сопровождались, говоря далеким от гуманизма военным языком, столь «малыми жертвами».

Тенденция последних лет — неуклонное увеличение *роли ВТО (высокоточного оружия)*: 2 процента во Вьетнаме, 8 процентов в войне с Ираком, 35 процентов в Югославии. Второе поколение ВТО, оказавшееся намного эффективнее первого, применяется в любых погодных условиях и не требует входа в зоны ПВО. Это означает, что по мере достижения успехов в «гуманизации» оружия вероятность войн, в которых «победитель получает все», будет *возрастать*, и произойдет коренное кардинальное изменение характера боевых действий.

С другой стороны, воздержание от применения ядерного оружия и одновременно искушение добиться «нулевой суммы» — поражения живой силы противника и одновременно сохранения материальных ценностей — провоцируют к реанимации и умножению другого известного монстра — *биологического* оружия. Япония частично использовала его во Второй мировой войне, США прибегли к этому оружию в войнах во Вьетнаме и Корее. Существующие конвенциональные режимы нераспространения бактериологического оружия, подчеркивает ведущий российский эксперт по вооружениям А. Кокошин, далеко не адекватны масштабам угрозы, но *угроза безопасности, иницируемая биологическим оружием, должна рассматриваться столь же серьезно, как и угроза ядерной войны*.

Далеко не академический характер таких оценок и предупреждений подтвердила атака мафиозно-террористической организация «Аум-Сенрике» в японском метро. Потенциально такого рода акции указывают на реальность угрозы тотальной войны. Не случайно Дж. Буш, выступая по следам трагедии 11 сентября 2001 года, заявил, что это событие возвестило о начале «новой войны». То, что произошло в этот день, не подвело окончательную черту под ядерной эпохой, но открыло новые, «асимметричные» возможности «сил слабых». Это еще не было сравнимо с возможностями биооружия, но эффект приближался к ситуации, которую в сценариях ядерного конфликта называют «потенциалом первого удара». Акцию совершила небольшая группа террористов без применения межконтинентальных баллистических ракет и усилий по преодолению противоракетной обороны. И то и другое оказалось не только не задействованным, но и просто бесполезным.

В связи с этим американская трагедия дает основание для выводов. Чем выше уровень информационно-технологического развития общества, тем *уязвимее* оно с точки зрения последствий неклассической войны. Не исключено, что терроризм и диверсии могут стать новым видом оружия, особенно для бедных стран — и не только для них. «Все

это заставляет ставить вопрос о серьезном переосмыслении параметров и критериев понятия силы в современной системе международных отношений»²⁶.

Во-вторых, современные войны, особенно две мировых, «грубо, зримо» обнаружили *стирание граней между военными и невоенными средствами борьбы*. Речь идет не только о все более значительных, вопреки многочисленным международным конвенциям о «правилах войны», жертвах среди мирного населения и разрушении его материальной и культурной среды, а о *новом качестве* войны как продолжения политики государств, где, с одной стороны, социальное, в том числе и революционное, перенапряжение искушает к разрешению конфликтов за счет милитаристской практики *вовне*, а с другой — такая практика приводит к совершенно иной политике *внутри* воюющей страны, вплоть до насильственного изменения типа и политического режима.

В этом смысле человечество, к сожалению, *вернулось к временам варварства*, когда завоеватели вообще не признавали границ между вооруженными врагами и мирным населением. Европейское Просвещение позволило иначе взглянуть на эту проблему, по крайней мере в Европе, — но это длилось недолго. Возврат к отказу признавать эту грань связан в первую очередь с распространением малых войн, то есть конфликтов не между государствами, а *внутри* них, войн «низкой интенсивности» типа партизанской борьбы, городской герильи, военно-политических переворотов и т. д. По наблюдениям немецкого ученого М. Гоха, «малая война по определению не имеет границ, все средства пускаются в ход, и с характерной для нее брутальностью, в особенности по отношению к некомбатантам, женщинам и детям, она приобретает черты, сближающие ее с феноменом тотальной войны, а именно: в качестве врага рассматривается и становится объектом боевых действий весь совокупный противник»²⁷.

Бывший начальник Генштаба вооруженных сил России генерал В. Самсонов также полагает, что наступило время «внести коррективы в классическую формулу Карла фон Клаузевица». По его определению, современная война — «это способ достижения политических целей путем разрешения противоречий между государствами (группами или коалициями государств) с применением политических, экономических, финансовых, дипломатических, информационных, технологических и других средств в сочетании с угрозой использования или прямым использованием вооруженных сил... *Произошло стирание граней не только между военными и невоенными средствами достижения политических целей, но и между внешней и внутренней безопасностью страны*»²⁸.

²⁶ См. **Рыбаков В.** К вопросу о терроризме, или две стороны одной медали // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 52.

²⁷ **Hoch M.** Krieg und Politik im 21. Jahrhundert // Bundeszentrale für politische Bildung. 25.05.2002. — www.bpb.de/apuz/26279/krieg-und-politik-im-21-jahrhundert?p=all

²⁸ **Самсонов В.** Иная трактовка понятия войны: время требует внести коррективы в классическую формулу Карла фон Клаузевица // Независимое военное обозрение. 26.12.1996.

В-третьих, кардинальные изменения в характере, способах и темпоральности современной войны ныне во многом кумулируются, а нередко и определяются, так называемой *информационной войной*. В ней остаются вполне узнаваемые традиционные черты, но вместе с тем интенсивно формируются компоненты инновационного характера.

Успевшие стать традиционными, но гораздо более востребованными, информационные черты войны — это конструирование и массовая мультипликация наглядных и убедительных «обликов», с одной стороны, мифологемы воинствующего и сакрализованного «сверхчеловека» голливудского типа — носителя высшей идеи «спасения» нации и даже мира, воителя за нее; а с другой — «образа врага», отвратительного и потому достойного только небытия *untermensch*. «Борющийся, — писал Ф. Ницше, — старается превратить своего противника в свою *противоположность*, — конечно, только мысленно. Он старается внушить себе веру в себя самого в такой мере, чтобы иметь мужество “доброе дела” (как будто он и есть *доброе дело*); как будто его противник борется против разума, добродетели... Не следует думать о полезных результатах победы, а всегда только о победе ради победы, как “победе Бога”»²⁹.

Еще в начале Первой мировой войны германский кайзер Вильгельм II в речи, произнесенной перед немецкими солдатами, объяснил вступление Германии в войну как необходимость противостояния западной цивилизации восточному варварству и призвал: «*Ведите себя как гунны!*» Не случайно М. Цветаевой, которая в начале аншлюса Чехословакии увидела на пражской площади огромный портрет Гитлера, было достаточно одного слова: «Гунны!»

Нацистская (геббельсовская) пропаганда и агитация остается хрестоматийным прецедентом конструирования «образа врага». К примеру, славянство в нацистской «табели о рангах» (*untermensch*) было объектом отчасти геноцида, отчасти — превращения в илотов Третьего рейха; но на пути стояла другая сверхдержава — СССР, а для Запада — по сути, Россия. Грандиозная авантюра блицкрига против нее требовала как психологического самовозвышения «расы господ», так и уничтожения самых многочисленных представителей славянской «расы», и Гитлер буквально гипнотизировал себя и своих «гуннов»: «Русские — ниже нас... Если нанести удар, то Советский Союз лопнет как мыльный пузырь». Руководитель отдела Главного разведцентра Кинцель дал такую оценку Красной Армии: «В численном отношении мощный военный инструмент. Основной акцент падает на массу войск». Однако «качество войск в сложной боевой обстановке сомнительно». Русская «масса», по убеждению полковника, «не достигает уровня армии, оснащенной современным оружием и руководством более высокого класса»³⁰.

²⁹ Ницше Ф. Воля к власти. М.: Refl-book, 1994. С. 150.

³⁰ См. Уткин А. И. Русские во Второй мировой. М., 2007.

Поневоле напрашивается *параллель* между нацистским агитпропом и методами психологической мобилизации и реабилитации американских войн в Югославии и Ираке, в которых С. Милошевич выступал «последним диктатором Европы», а Саддам Хусейн — вдохновителем и спонсором «Аль-Каиды». Предмет отдельного разговора — были ли они ангелами; но их беда не в соответствии этим оценкам, а в том, что они, в отличие от никарагуанского диктатора Сомосы, были для США не их «сукиными сынами».

Отмеченные приемы агитпропа в условиях развертывания информационной революции обретают неизвестный ранее масштаб, а главное — новое всепроникающее качество. Дж. Оруэлл определил его эвфемизмом-оборотнем: «Война — это мир, мир — это война». Шире говоря, происходит тотальная *эвфемизация и цинизация* языка войны. Стихийный характер процесса глобализации дает повод для навязывания миру международного «полицейского-жандарма-шерифа». Язык войны не только отделяется от ее сущности, но и подменяет ее имиджами и во многом определяет неадекватное отношение к ней. Словенский мыслитель С. Жижек писал об информационном прикрытии войны в Персидском заливе: «С одной стороны, новый образ войны как события, которое разворачивается исключительно в сфере технологий, на экранах радаров и компьютеров, ...а с другой — крайняя физическая жестокость, которую было бы невыносимо видеть в средствах массовой информации... Когда Бодрийяр заявил, что войны в Заливе не было, это означало, что картину, которая отвечает ее реальному облику, запретили полностью»³¹.

В целом современная война остается реальной тенденцией на трех основных уровнях в зависимости от характера, масштаба и последствий.

На *первом* уровне угроза *перерастания* войны с применением обычных вооружений в ядерную по-прежнему сохраняется для стран, обладающих ядерным оружием или способных в короткий срок вступить в ядерный клуб. Но, вероятно, эффективность «нулевой суммы», или способность достижения целей войны только путем разгрома противоборствующей стороны и захвата ее территории, будет снижаться. Ход и исход такой войны в значительной мере определяют системы и средства, позволяющие в самом начале конфликта резко снизить потенциал государства и вооруженных сил противника, поставив его на грань неотвратимого военного поражения.

Для *второго* уровня, отмечает бывший зам. министра обороны РФ Н. Михайлов, характерны крупные геополитические изменения, произошедшие в мире в связи с бурным развитием ряда новейших технологий как военного, так и экономического назначения. Это обусловило радикальное переосмысление взглядов на характер возможных войн в XXI веке. Ожидаемые изменения в целом сводятся к переходу в 2010—2020 годах от войн разрушительного характера к войнам *фун-*

³¹ Жижек С. Дилемма Косово // Независимая газета-Сценарии. 14.04.1999.

кционального избирательного воздействия. Будет нарастать роль систем и средств информационного противоборства, высокоточного оружия с неядерными боеприпасами, средств нелетального поражения, а также оружия, основанного на новых физических принципах и с новыми свойствами. Комплексное применение нетрадиционных средств вооруженной борьбы создаст предпосылки к быстрому достижению *решающего превосходства и завоеванию стратегической инициативы* в начальный период войны путем неядерного поражения ключевых объектов государственного управления, энергетики, стратегических военных объектов с минимальным физическим воздействием на гражданское население. С этой целью разворачивается радикальное реформирование вооруженных сил, военной инфраструктуры и военных секторов экономики³².

Наконец, *третий* уровень — это *масштабы* современной войны. Уже Первая и Вторая мировые войны, которые начинались с локальных конфликтов, показали, что и они, включая искусственно спровоцированные ситуации, являются лишь верхушкой айсберга непримиримых мировых противоречий. Противоречие между глобализацией в интересах мирового шерифа и противостоящим ему альтерглобализмом не гарантирует мира, потому что, говоря метафорически, «для танго нужны двое». Между тем подготовленная Комитетом начальников штабов США «Единая перспектива» свидетельствует о том, что в рамках этой программы ставится неизбывная задача воплотить в жизнь оперативно-стратегическую концепцию, по-прежнему сформулированную в хорошо узнаваемых терминах «*всеохватывающего господства*».

Когда Римская империя уже агонизировала, к ее последнему императору обращались со словами «Ваша вечность!». Одна из особенностей имперской ментальности заключается в ее инерционности, устойчивом воспроизведении себя *вне* конкретно-исторического времени. Но оно необратимо — и это бесспорно и для современности. После завершения двухполярного мира США уверовали, что «то, что не позволено быку, позволено Юпитеру», и отныне и вовеки мир американоцентричен — ценой долларовой диктатуры, взлома международного права и национальных суверенитетов, «управляемого хаоса» «цветных революций» и кровавых «гуманитарных интервенций».

США пытаются извлечь материальный, стратегический и символический капитал из некритически воспринятой нами версии так называемого многополярного мира. В нем, буквально по Дж. Оруэллу, «все равны, но некоторые равнее», разумея под «некоторыми» именно себя. И следует признать, что тактически это Большому брату пока удастся — по крайней мере в Европе. НАТО у границ России и Беларуси и особенно кровь гражданского братоубийства, проливаемая на Украине, и «мерзость за-

³² См. Михайлов Н. Россия может сохранить статус великой державы // Независимая газета. 24.09.1998.

пустения» на ее востоке — это следствие их стратегии «всеобъемлющего господства».

Однако в целом буквально за столетие мир неузнаваемо изменился. На смену миру однополярному пришел не «многополярный», а *многомерный* мир, в котором многообразные культурно-цивилизационные центры заявляют о своем легитимной, с точки зрения международного права и исторической справедливости, претензии на реальную *субъектность* в международных отношениях, и не в последнюю очередь — праве «русского медведя» быть «хозяином своей тайги»³³ или, говоря по-белорусски, «людзьмі звацца», стоять, по словам А. Лукашенко, «плечом к плечу» с российским братом и союзником, как мы стояли и *выстояли* перед мировым злом нацизма.

Сегодня вновь происходит коренная ревизия глобальной безопасности, и ее хрупкая архитектура сталкивается с чреватой войной стратегией «управляемого хаоса». Угроза войны и даже война, уже развязанная в пределах «славянского треугольника», — это последний довод американского «короля». Перефразируя известное присловье, он не все видел, но ничему не научился. Именно он повинен в том, что на практике происходит *ре-банализация* войны³⁴, и человечество фактически вовлечено в «ползучую» Третью мировую, с очевидностью замечая лишь ее «грязную» экстрему. Известный мыслитель современности У. Эко даже полагает, что война не только не противоречит эре глобализации, но *предполагает* ее.

Фатально ли такое обобщение? В современных условиях основные тенденции развития глобального общества *равновероятны*. Все зависит, выражаясь ленинским термином, от соотношения сил: «Кто — кого?» Перефразируя Л. Аннинского, бог войны Марс — существо кроваво-реальное, но вовсе не «что-то загадочно-мистическое», не «что-то фатальное, отдающее геополитикой, перед которой бессильны и географы, и политики»³⁵. Если курс мнящих себя всемогущими маньяков на «всеохватывающее господство» не удастся нейтрализовать, это будет «конец времен и исполнение дней», и «*manet omnes una nox*» (лат. «всех ожидает одна ночь»). Однако сегодня речь идет не о полном избавлении от зла войны, а его *минимизации*. В противостоянии абсолютному злу войны абсолютное добро мира *должно быть* (и лучше рано, чем поздно) с надежными «кулаками». «Мир, — заметил Б. Шоу, — не только лучше, но бесконечно труднее войны»³⁶. Если силы альтерглобализма переломят деформацию глобализации и придадут ей действительно человеческое, демократическое «лицо», Ковчег мира в конечном счете станет объективной реальностью. ◆

³³ См.: Левяш И. Я. Медведь: белорусская ипостась // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова, А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012; а также: Europa i Miedziedz / red. A. Lazari. Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia. Warszawa, 2013.

³⁴ См. Маяцкий М. Новая непрозрачность // Независимая газета. 24.10.2002.

³⁵ См. Литературная газета. 07—13.09.2005.

³⁶ Цит. по: Независимая газета. 10.11.1999.